

— Вы что тут делаете?

Глядя на двоих, которые никак не могли отстраниться друг от друга, Е Хань наконец потерял терпение.

— М-м, тут вообще-то зрители есть, — Чу Тянь оттолкнул Сюй Чэньяна. Тот, раззадоренный ласками, лишь прижался головой к его шее.

Чу Тянь повернул голову и усмехнулся, глядя на Е Ханя:

— О, господин Е, протрезвели?

Его улыбка всегда была дерзкой и вызывающей, но в глазах Е Ханя она выглядела как провокация и объявление войны. Е Хань помрачнел, и этот его пронзительный, оценивающий взгляд заставил Чу Тяня слегка нахмуриться.

Он подтолкнул Сюй Чэньяна:

— Малыш, не капризничай. Раз с твоим другом всё в порядке, давай вернемся, не будем мешать людям отдыхать в выходной.

Сюй Чэньян поднял голову и посмотрел на Е Ханя. Тот не стал скрывать своих чувств: брови нахмурены, в глазах стоят слёзы, а взгляд, устремленный на Сюй Чэньяна, в одно мгновение стал таким скорбным и полным тоски.

Чу Тянь был писателем. Он мог бы описать больше тысячи способов выражения человеческих эмоций, но это ведь была лишь литература. В реальной жизни он еще не встречал глаз, которые могли бы так красноречиво говорить.

А теперь он видел это воочию. Живой материал! Он не удержался и принялся внимательно изучать Е Ханя.

Чего уж там, эта внешность, эта стать, эта хрупкость, вызывающая жалость, и невысказанная мольба в нахмуренных бровях — попади такой персонаж в его роман, он несомненно стал бы любимцем публики. Да и в жизни мало кто из мужчин устоял бы перед таким человеком. В конце концов, одно лишь чувство триумфа от покорения такой красоты способно вскружить голову любому.

Чу Тянь вошел в азарт, совершенно не заметив недовольного взгляда Сюй Чэньяна. Е Хань, заметив, что его изучают, тоже бросил на Чу Тяня сложный взгляд. Между ними словно проскочила искра, и Сюй Чэньян почувствовал, как у него дернулся глаз.

Один — бывший, другой — нынешний. Один изящный, другой мужественный. Странно, но они смотрелись вместе подозрительно гармонично, отчего Сюй Чэньян внезапно почувствовал себя

лишним.

Он поспешно вклинился между ними и недовольно произнес:

— Старший, позвони при случае господину Ху. Он очень за тебя переживает.

В его голосе чувствовалось такое давление, что оба поняли: он ревнует. Только вот непонятно, к кому именно.

Е Хань посмотрел на него с явным разочарованием:

— Ты пришел только из-за Ху Цзюня?

— Не только. Конечно, я волновался, что ты натворишь глупостей, — Сюй Чэньян не стал лукавить.

Услышав это, Е Хань расслабил брови, и его взгляд заметно потеплел:

— Не переживай, я обещал тебе жить полноценной жизнью и больше не буду совершать глупостей.

Эмоции в его глазах сменялись так естественно и живо, что невозможно было не заметить, но при этом всё выглядело очень искренне. Сразу видно — мастер управления мимикой и чувствами. Чу Тянь приподнял бровь, понимая, что всё-таки недооценил угрозу, исходящую от этого человека.

И точно, заметив перемену в глазах Е Ханя, Сюй Чэньян смягчился:

— Старший, тебе и дальше нужно беречь себя. Нужно учиться смотреть вперед. Если прошлое причиняет боль, не стоит о нем думать. Ты заслуживаешь лучшего будущего.

Смысл его слов был ясен: пора окончательно порвать с прошлым. Глаза Е Ханя мгновенно увлажнились.

— Лучшего будущего? Я представлял себе множество вариантов будущего, но в каждом из них был ты. Только этими призрачными надеждами я и сдерживал свое раскаяние. А теперь ты стоишь передо мной со своим новым парнем и советуешь мне смотреть вперед? — одинокая слеза скатилась по щеке Е Ханя, губы мелко задрожали, а в глазах читалась такая душераздирающая печаль, — Чэньян, не будь со мной так жесток...

Если бы не этот момент, полный драматизма, Чу Тянь готов был бы аплодировать. Такая власть над эмоциями, такая пронзительная мольба — какой мужчина останется равнодушным?

Профессиональная болезнь писателя дала о себе знать: встретив человека, который сам по

себе является ходячим сюжетом, Чу Тянь ощутил прилив вдохновения. Образ персонажа, над которым он так долго бился, наконец сложился. Это озарение принесло ему такое облегчение, что на лице невольно появилась улыбка.

Затем он посмотрел на Сюй Чэньяна, молча наблюдая за его реакцией. Одно дело — смотреть на чужой спектакль, и совсем другое — когда в этот спектакль втягивают твоего человека. Е Хань, конечно, красив, но человек он неискренний. Чу Тянь лишь надеялся, что у его возлюбленного вкус не настолько плох, иначе это бросало тень и на него самого.

Е Хань краем глаза заметил улыбку Чу Тяня и решил, что тот насмехается над его стараниями. Он понял, что этот мужчина, хоть и кажется простым и прямолинейным, на деле может оказаться крепким орешком. К тому же он совершенно невозмутимо наблюдал, как они с Сюй Чэньяном вспоминают былое, словно был абсолютно уверен, что Сюй Чэньян выберет его.

Похоже, придется пустить в ход более тяжелую артиллерию.

— Прости, старший...

Сюй Чэньян на мгновение дрогнул, но, чувствуя рядом Чу Тяня, понял: если он хоть на секунду проявит слабость, им конец. Поэтому ответил он твердо:

— Старший, я ведь уже четко сказал по телефону. Я люблю своего парня, и в будущем мы создадим семью. Я не могу дать тебе того, на что ты рассчитываешь.

Он положил ключи от квартиры Е Ханя на журнальный столик:

— Это ключи от твоего дома. Попроси кого-нибудь другого присмотреть за ними.

Е Хань посмотрел на связку ключей и горько усмехнулся:

— Ты хочешь окончательно порвать со мной отношения?

Сюй Чэньян промолчал, что означало согласие. Е Хань взял ключи, крепко сжал их в руке и с покрасневшими глазами посмотрел на Сюй Чэньяна:

— Чэньян, я помню каждое слово, которое ты мне говорил. Ты клялся, что никогда не нарушишь обещание. Скажи мне теперь, чего стоят те клятвы?

Чу Тянь усмехнулся:

— Послушайте, господин Е, я тут стою, такой большой и заметный, вы что, меня вообще не видите?

Е Хань и Сюй Чэньян синхронно повернулись к нему. Чу Тянь никогда не лез за словом в карман, а тот факт, что Е Хань в открытую клеит его парня, терпеть он был не намерен.

Он притянул Сюй Чэньяна к себе, заявляя права на собственность:

— Пытаться увести у меня парня прямо у меня на глазах — не слишком ли это низко? И вообще, ваш нынешний скорбный вид как-то не вяжется с тем, как вы когда-то бросили его, словно ненужную вещь. С чего это вдруг виноватый начал отчитывать жертву? Смею спросить, вы в школе уроки морали прогуливали?

Е Хань не остался в долгу:

— Господин Чу, всему есть свое время. Чэньян — мой парень. Раньше я был трусом и вынужден был склониться перед его матерью, но это наше с ним дело. Я вернулся, чтобы всё исправить. Когда я уходил, я намеренно не говорил ему о расставании, потому что знал, что рано или поздно вернусь к нему. Я вернулся, а рядом с ним — вы. Вы говорите, что я увожу его, но задумывались ли вы, что это вы увели его у меня?

Чу Тяня даже передернуло от такой логики:

— Ого, господин Е, ну и красноречие! Выходит, это я теперь стал третьим лишним?

Е Хань улыбнулся:

— Спорить об этом бессмысленно. Мне не нужен статус, мне нужно сердце Чэньяна.

Он перевел взгляд на Сюй Чэньяна, и в его голосе зазвучала стальная решимость:

— Господин Чу, до вашей помолвки остался месяц. Вы осмелитесь на честное соперничество в этот срок?

Чу Тянь впервые столкнулся с таким типажом. И правда, нет ничего непобедимее бесстыдства. Стоит человеку отбросить моральные принципы, и он становится неуязвим. Чу Тянь, как человек, все еще связанный нормами морали, на секунду растерялся.

Сюй Чэньян тоже редко видел, чтобы Чу Тянь оказывался в тупике. Растерянность и шок в глазах его брата Чу показались ему даже милыми, что пробудило в нем инстинкт защитника. Он поспешно вмешался:

— Старший, не надо так, я...

Е Хань перебил его:

— Чэньян, ты помнишь, что сказал мне при нашей последней встрече?

Сюй Чэньян моментально изменился в лице и замолчал. Глаза Чу Тяня опасно сузились, но он не стал допытываться, что именно тот сказал, раз Сюй Чэньян так сник.

Но даже если он не спрашивал, Е Хань собирался сделать так, чтобы он узнал.

<http://bllate.org/book/20915/2115262>